

> МАГИСТРАЛЬ >

ФРИДРИХ ДЕ ЛА МОТТ ФУКЕ

Ундина

Москва
2024

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Ф94

Художественное оформление
Натальи Портяной

Фуке, Фридрих де ла Мотт.
Ф94 Ундина / Фридрих де ла Мотт Фуке; [перевод с немецкого В. А. Дымшица, Н. А. Жирмунской]. – Москва : Эксмо, 2024. – 160 с. – (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-198584-4

Каково любить, не имея души?

Рыцарь Хульдбранд в одинокой хижине глубоко в лесу встречает рыбака и его супругу. Они представляют ему свою приемную дочь – белокурую и голубоглазую красавицу Ундину. Хульдбранд сразу же влюбляется в нее, забыв об обещании жениться на леди Бертальде.

Ундина признается, что она – не человек, а дух воды. Но Хульдбранда это не останавливает, и он женится на ней, увозя к себе в замок. Постепенно Ундина понимает, что ее сущность не может быть скрыта от пересудов многих людей. Да и между Хульдбрандом и Бертальдой она замечает влечение.

Ундине придется выбрать между людским горем от угасшей любви и вечным скитанием свободного водного духа.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

- © Н.А. Жирмунская, перевод. Наследники, 2024
- © Дымшиц В.А., стихотворный перевод на русский язык, 2024
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198584-4

Посвящение¹

Ундина, с памятного дня,
Когда заметил я недаром
Твой чудный свет в преданье старом,
О, как ты пела для меня.
Как часто, пав ко мне на грудь,
Ты поверяла все обиды,
Дитя, проказливое с виду,
И вместе робкое чуть-чуть.
И лира чуткая моя
Звучала, отзываясь сразу
Вослед печальному рассказу,
Что от тебя услышал я.
И повесть о твоей судьбе
Пришлась читателям по нраву,
Хоть ты причудница, но, право,
Расположила их к себе.
Ундиночка, не бойся, нет,
Читатель хочет слово в слово
Услышать эту повесть снова:
Ступай же, не смущаясь, в свет.

¹ Впервые было предпослано тексту во втором издании (1814). Было перепечатано среди стихотворений Фуке в 1820 г., затем в его автобиографии («Lebensgeschichte», 1840).

ФРИДРИХ ДЕ ЛА МОТТ ФУКЕ

Будь благонравна, господам
Дворянам поклонись смиренно,
Твоих поклонниц неизменных
Приветствуй — наших милых дам.
А спросят дамы обо мне,
Скажи им так: «Мечом и лирой
Средь бала, празднества, турнира
Ваш рыцарь служит вам вдвойне».

Глава первая

О ТОМ, КАК РЫЦАРЬ ПРИЕХАЛ К РЫБАКУ

Давным-давно, должно быть, много сотен лет тому назад, жил на свете добрый старый рыбак. Однажды вечером сидел он у своего порога и чинил сети. Хижина его стояла среди красивой приветливой местности. Поросшая сочной зеленой травой узкая коса вдавалась в большое озеро, ласково приникнув к прозрачной светло-голубой воде, а волны влюбленно простирали объятия навстречу цветущему лугу, колышущимся травам и свежей сени деревьев. Казалось, они пришли друг к другу в гости и потому и были так прекрасны. А вот людей

здесь было не видать, кроме разве что рыбка и его домочадцев. Ибо к самой косе подступал дремучий лес, которого многие побаивались — уж очень он был темный и густой, да и водилась там всякая нечисть, которая выделяла невесть что; вот лучше было и не заглядывать туда без надобности. Но старый богобоязненный рыбак спокойно ходил через лес, когда ему случалось носить в город, что за лесом, вкусную рыбу, которую он ловил у себя на косе. Должно быть, потому ему так легко было идти там, что никаких дурных помыслов он не таил в душе, да и к тому же каждый раз, вступая во мрак этого ославленного людьми места, он звонким голосом и от чистого сердца затягивал какую-нибудь духовную песню.

Но вот в тот вечер, когда он, не ожидая ничего худого, сидел над своими сетями, на него вдруг напал необъяснимый страх — из лесного сумрака донесся неясный шум, он все близился и становился все слышнее, словно всадник ехал на коне. Все, что мерещилось старику ненастными ночами, все тайны зловещего леса сразу воскресли в его памяти, и прежде всего гигантская фигура загадочного белого человека, непрестанно кивавшего головой. Да что говорить — когда он глянул в сторону леса, ему

УНДИНА

явственно почудилось, будто за сплетением листвы стоит этот кивающий головой человек. Однако вскоре он совладал с собой, рассудив, что до сих пор и в самом лесу с ним не случалось ничего худого, а уж на открытом-то месте нечистая сила и вовсе не сможет взять над ним верх. Он тут же громко, в полный голос и от чистого сердца произнес стих из Священного Писания, это вселило в него мужество, и ему самому стало смешно, как это он мог так обознаться: кивающий головой человек внезапно обернулся давно знакомым лесным ручьем, который стремил свои пенистые воды в озеро. Ну а шум, как оказалось, произвел нарядно одетый рыцарь на коне, выехавший из-под деревьев и приближавшийся к хижине. Его пурпурный плащ был накинут поверх голубого, расшитого золотом камзола, с золотистого берета ниспадали пунцовые и голубые перья; на золотой перевязи сверкал богато изукрашенный редкой работы меч; белый жеребец под ним выглядел стройнее обычных боевых коней и так легко ступал по траве, что на пестро-зеленом ковре и следов не оставалось. Старому рыбаку было все еще как-то не по себе, хоть он уже и смекнул, что такое прекрасное явление не сулит никакой

опасности; он учтиво снял шапку перед подъехавшим всадником и продолжал спокойно чинить свои сети. Рыцарь остановился и спросил, не может ли он со своим конем найти здесь приют на ночь.

— Что до коня, господин мой, — ответил рыбака, — то для него у меня нет лучшей конюшни, чем эта защищенная деревьями лужайка, и лучшего корма, чем трава, что растет на ней. Вам же я с радостью предлагаю разделить со мной ужин и ночлег, какие мне самому послал господь.

Рыцарь был вполне доволен этим, он спешился, с помощью рыбака расседлал и разнуздal коня и, пустив его свободно пастись на цветущей лужайке, сказал хозяину:

— Если бы ты и оказался менее радушным и приветливым, славный старик, тебе бы все равно сегодня от меня не избавиться; ведь перед нами — большое озеро, а пускаться на ночь глядя в обратный путь через этот лес с его диковинами — боже нас спаси и помилуй!

— Лучше и толковать об этом не будем! — сказал рыбака и повел гостя в хижину.

Там, у очага, освещавшего скудным отблеском огня полутемную опрятную горницу, сидела в высоком кресле старуха — жена рыбака.

УНДИНА

При виде знатного гостя она встала и приветливо поклонилась ему, но затем снова заняла свое почетное место, не предложив его пришельцу, на что рыбак с улыбкой заметил:

— Не взыщите, молодой господин, что она не уступила вам самого лучшего сиденья в доме; таков уж обычай у нас, бедных людей, самое удобное место отведено старикам.

— Э, муженек, — молвила со спокойной улыбкой жена. — Что это тебе в голову взбрело? Ведь гость наш не какой-нибудь нехристь, так неужто захочет он согнать с места старого человека? Садитесь, — продолжала она, обращаясь к рыцарю, — вон там есть еще один стул, вполне пригодный, только глядите не ерзайте и не слишком сильно двигайте его, а то у него одна ножка не очень прочно держится.

Рыцарь осторожно придвинул стул, с улыбкой опустился на него, и на душе у него стало вдруг так легко, словно он давно уже свой в этом маленьком домике и сейчас только воротился сюда издалека.

Между этими тремя славными людьми завязался дружеский разговор. Правда, о лесе, о котором рыцарь все норовил побольше расспросить, старик не очень-то хотел рассказывать, и уж меньше всего сейчас, на ночь глядя;

ну, а о своем хозяйстве и прочих делах супруги толковали весьма охотно и с любопытством слушали рассказы рыцаря о его странствиях и о том, что у него замок у истоков Дуная и что зовут его господин Хульдбранд фон Рингштеттен¹. Во время беседы гостю не раз слышалось что-то вроде плеска у низкого окошка, словно кто-то брызгал в него водой. Старик при этом звуке всякий раз недовольно хмурился; а когда наконец в стекло ударила целая струя и брызги сквозь плохо пригнанную раму попали в горницу, он сердито встал и угрожающе крикнул в сторону окна:

— Ундина! Кончишь ли ты когда-нибудь озорничать? Да к тому же сегодня у нас в доме гость.

Снаружи все смолкло, потом послышался чей-то тихий смешок, и рыбак сказал, возвращаясь на место:

— Вы уж извините ее, достопочтенный гость, может, она еще какую штуку выкинет,

¹ «...зовут его господин Хульдбранд фон Рингштеттен». — Родовое имя героя повести совпадает с фамилией автора; как пишет Фуке в биографии своего деда («Lebensbeschreibung des Generals Fouque», 1824), старофранц. «la Motte» означает «окрестность замка», что соответствует немецкому «Ringstätten».

УНДИНА

но это без злого умысла. Это наша приемная дочка Ундина; все никак не может отвыкнуть от ребяческих замашек, хоть и пошел ей осьмнадцатый год. Но сердце у нее доброе — это уж верно вам говорю!

— Да, хорошо тебе говорить! — возразила, покачав головой, старуха. — Ты-то вернешься с рыбной ловли или там из города, и тебе кажутся милыми ее шутки. А вот когда она день-деньской вертится перед носом, да ни одного путного слова от нее не услышишь, и в хозяйстве помощи никакой — в мои-то годы! — да еще боишься все время, как бы не погубила она нас своими глупостями, — это уж совсем другое дело, тут и святой не вытерпит!

— Ну ладно, ладно, — усмехнулся хозяин. — У тебя — Ундина, у меня — озеро. Ведь и оно порой рвет мои сети и пробивает верши, а все равно я люблю его, а ты, несмотря на всю маету, любишь эту милую девчущку. Не так ли?

— И то правда, по-настоящему на нее и сердиться-то нельзя, — отвечала старуха, с улыбкой кивнув головой.

В эту минуту дверь отворилась, и белокурая девушка поразительной красоты со смехом скользнула в комнату.

— Ты просто обманул меня, отец! Где же ваш гость? — спросила она, но в ту же минуту, увидев прекрасного рыцаря, застыла в изумлении. Хульдбранд залюбовался прелестной фигуркой, торопясь запечатлеть в своей памяти пленительные черты, пока девушка еще не оправилась от изумления и из скромности не отвернулась от него. Но все вышло совсем иначе. Она долго глядела на него, потом доверчиво к нему подошла, опустилась перед ним на колени и молвила, играя золотой медалью на драгоценной цепочке, висевшей у него на груди:

— О прекрасный, приветливый гость, как же очутился ты в нашей бедной хижине? Ты, верно, долго блуждал по белу свету, прежде чем попасть к нам? Ты пришел из страшного леса, прекрасный друг?

Старуха не дала ему ответить — она стала бранить девушку и велела ей тотчас же встать с колен и приниматься за работу. Ундина, не отвечая ей, придвинула к стулу Хульдбранда низенькую скамеечку, уселась на нее со своей пряжей и кротко молвила:

— Вот здесь я и буду работать.

Старик повел себя так, как обычно ведут себя родители с избалованными детьми. Он

УНДИНА

притворился, что не заметил слушания Ундины, и попытался завести разговор о чем-нибудь другом. Но девушка не дала ему и рта раскрыть. Она сказала:

— Я спросила нашего дорогого гостя, откуда он, и еще не получила ответа.

— Я действительно пришел из леса, моя красавица, — ответил Хульдбранд, а она продолжала:

— Ну а теперь расскажи мне, как ты туда попал — ведь другие люди боятся туда ходить — и что диковинного с тобой там приключилось, — потому что ведь не могло же не приключиться!

Хульдбранд слегка вздрогнул при этом воспоминании и невольно глянул в окно — ему почудилось, будто вот-вот оттуда ухмыльнется одна из тех образин, что повстречались ему в лесу. Но за оконным стеклом была лишь глухая черная ночь. Совладав с собой, он только что собирался начать свой рассказ, как старуха перебила его словами:

— Не время, господин рыцарь, не время сейчас для таких историй!

Ундина в сердцах вскочила со своей скамеечки, уперла в бока красивые руки и воскликнула, подступив к рыбаку вплотную:

— Не время рассказывать, отец? Не время? Но я так хочу! Пускай, пускай рассказывает!